

Григорий Марк

Озвученный неразговор

* * *

Венценосной Венеции звон.
На удары разьят часослов
колокольный, там стебли колонн
вяжет солнце в снопы куполов.
И на запах гниющих стихов
в глубине водяной темноты
стаи хищных гондол без гребцов,
шеи выгнув, скользят сквозь мосты.

На вершине любого снопа
крест, с которого ангел взлетел.
А внизу шевелится толпа,
расползается тысячью тел
в щели между дворцов. Испокон
всех веков под землёй в глубине
гулким эхом гудит этот звон.

* * *

В тёмной клетке грудной, как птенец с перебитым крылом,
крик слепой молча бился. Беспомощно и неуклюже
он сжимался в комок. А потом, клюв подняв, напролом
вдруг бросался на рёбра, пытаясь прорваться наружу.

Но не мог. Обессилен, крик падал. Минуту спустя
поднимался, нахоленный весь. Как ни в чём не бывало,
начинал семенить, головой деловито вертя,
и щипать плоть вокруг. Наедался во тьме доотвала.

Долго спал, к животу прижимая больное крыло.
Возвращался потерянный голос к нему понемногу.
Наконец, в горле ком проглотив, я вздыхал тяжело.
Для ожившего крика наверх открывалась дорога.

Григорий Марк — поэт, прозаик, драматург. Родился в 1940 году в Ленинграде. Автор четырех книг стихов, трех книг прозы и публикаций в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Арион», «Октябрь» и др. С 1988 года живет в Бостоне.

В горизонтальный праздник

1. Я увидел себя на мгновенье
на поющей постели в отеле,
просыпаясь вдвоём в нашем теле
двуединственным переплетеньем.

Это ты проснулась и ожил.
И глаза ещё не открывая,
уже чувствуешь, как прорастает
синий лес наших нервов сквозь кожу.

2. В горизонтальный праздник на двоих
ятыею-мнобою, ставшим нами,
грамматикою, жизнями, телами
сплетаясь, прорастая словно стих,
впустив-войдём друг в друга постепенно.
В горизонтальный праздник мне-тебе-нам.

* * *

Озвученный неразговор. Суматоха
румяных от крови
шныряющих слухов.
Но чьё-то молчанье
внутри болтовни
свернулось клубком
и, себя поедая,
сквозь ворох подвохов
угрюмо вздыхает
натруженным брюхом.
И тёмное внутрь уходит. Видны
скорлупки рифмованных
выпуклых вздохов,
подогнанных плохо
друг к другу внахлёт.
Слова исчезают —
в мерцающей глухо,
чешуйчатой, злой
стороне тишины
змея пожирает
свой собственный хвост.

* * *

И не то чтобы так уже выдохся. Нет.
Но застыл будто вкопанный. Вдруг снизошло,
что бежал я на месте. Бежал много лет,
причиняя всё время душе своей зло.
А теперь отыскал дверцу тайную в ней,
о которой давно позабыл. Я рванул
со всех сил. Груда белых, иссохших костей
повалилась под ноги. И слышен был гул.

Это время гудело, трещало по швам,
воскрешая иссохшие кости в пыли.
Вот они расползаются по сторонам,
превращаясь в скелеты. Вставая с земли,
обрастают сочащимся мясом. Идут,
унося в себе свет. Я дожил до седин,
оставаясь не тем кто я есть. Самосуд
с темнотой и словами, один на один.

* * *

Весь ветер в сосновых иголках
деревьев зелёный оркестр
и сумрачно сумрачно сумрачно светлое небо
В ковре отороченном мохом
с потрёпанною бахромою
прорехи камней ноздреватых
Зелёный оркестр деревьев
и женщина в сером халате
блуждает велепую по дому
Светящийся ветер иголок
сшивает над кронами тучи
дурманная музыка сосен
Настраивают инструменты
и не дожидаясь ответа
звучания пробуют в вышних